18+

АНАСТАСИЯ ОКЕАН
ИЗМИРА
И
АДРИАН
КОД БЛИЗНЕЦОВЫХ ДУШ
ХРОНИКИ ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ • КНИГА ПЕРВАЯ
Психотерапевтический роман исцеления

Анастасия Океан

Измира и Адриан. Код Близнецовых Душ. Хроники Вечного Возвращения

https://litres.ru/74900503
ISBN 9785007155533

Аннотация

А что, если встреча с другим человеком — это встреча с той частью себя, которую ты давно потерял? Притяжение, которое невозможно объяснить логикой, и путь, на котором любовь становится не спасением, а испытанием на честность с собой. За сильными чувствами скрываются внутренние раны, страхи и вопросы, от которых больше не получается убежать. История о близости, которая меняет, о боли, которую важно услышать, и о возвращении к себе. Ведь иногда, чтобы обрести любовь, нужно перестать терять себя.

Содержание

ИЗМИРА И АДРИАН Код Близнецовых Душ 8
Хроники Вечного Возвращения. Книга первая 8
Психотерапевтический роман исцеления 9
© Анастасия Океан, 2026. Все права защищены 12
Пролог 13
Рецензия 15
Как работать с этой книгой 17
Часть I. Узнавание 20
Глава 1. Взгляд в солнце 21
ЗАМЕТКА НАБЛЮДАТЕЛЯ 31
Что говорит наука1 32
Язык смысла: Феникс 35
Практика «Возвращение внимания в центр» 36
Глава 2. Поцелуй-Ключ 40
Ночь после Ключа 49
ЗАМЕТКА НАБЛЮДАТЕЛЯ 52
Что говорит наука 53
Язык смысла: Поцелуй-Ключ 54
Практика: «Расклейка временных ролей» 55
Глава 3. Изумрудное платье 57
Провокативная терапия: голос Наблюдателя-Провокатора 62
Последнее утро 65

ЗАМЕТКА НАБЛЮДАТЕЛЯ 69
Что говорит наука 70
Язык смысла: Изумруд 71
Практика: «Отпускание с достоинством» 72
Часть II. Молчание 74
Глава 4. Две серые галочки 75
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Измира и Адриан. Код Близнецовых Душ Хроники Вечного Возвращения

Анастасия Океан

Иллюстратор Анастасия Океан (Калинина)

© Анастасия Океан, 2026
© Анастасия Океан (Калинина), иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-5553-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АНАСТАСИЯ ОКЕАН
ИЗМИРА
И
АДРИАН
Код Близнецовых Душ
Хроники вечного возвращения • Книга первая
Психотерапевтический роман исцеления

ИЗМИРА И АДРИАН
Код Близнецовых Душ

Хроники Вечного Возвращения. Книга первая

Психотерапевтический роман исцеления

Анастасия Океан

Всем женщинам, которые научились держать мир на своих плечах,

и однажды решили положить эту ношу и просто быть.

И тем, кто рядом с ними учится не спасать, а любить.

«Он научился исчезать. Она научилась держать.

И где-то в этом парадоксе вся история о том,

как двое становятся целыми: не друг через друга,

а каждый сам по себе, и потому способные быть вместе».

Мы не выбираем, какой укол нам сделают, но выбираем,

проснуться или дальше жить в иллюзиях.

© Анастасия Океан, 2026.
Все права защищены

Это художественное произведение. Имена персонажей, некоторые обстоятельства, географические и биографические детали изменены или объединены в собирательные образы. Любые совпадения с реальными людьми и событиями, помимо тех случаев, где это оговорено автором, случайны.

Практики и упражнения, приведённые в этой книге, предназначены для самостоятельной рефлексии и не заменяют работу с психологом или психотерапевтом. Если вы переживаете острое кризисное состояние, пожалуйста, обратитесь за очной профессиональной помощью.

Пролог

Эта книга — не про то, как найти своего человека и жить долго и счастливо. Она про то, что происходит с человеком, который наконец перестаёт ждать спасения — и оборачивается к самому себе.

Измира и Адриан — не пара, которую нужно свести. Это два способа не справляться с одной и той же ранней болью: один научился исчезать, чтобы не быть брошенным; другая — держать всё под контролем, чтобы никто не пропал. История о них — предлог поговорить о более общей вещи: как узнать собственный старый сценарий и перестать в нём жить.

Если вы психолог — возможно, вы узнаете в этих главах знакомые механизмы: проекцию, сепарацию, психосоматику травмы. Если вы просто читатель, который сейчас проживает свою собственную паузу, тишину или расставание — я надеюсь, что эта книга даст вам не утешение вместо действия, а немного больше ясности о том, что на самом деле происходит внутри вас.

И если эту книгу читает отец, у которого растёт дочь, — прошу вас задержаться немного дольше на страницах об Измире и её отце. Эта книга, помимо прочего, о том, как одно затянувшееся молчание способно на десятилетия определить, каких мужчин женщина будет считать «своим типом». Вы не обязаны быть идеальным. Но то, сколько тепла, слов и

внимания достаётся дочери сейчас, — это ровно тот фундамент, на котором она однажды будет строить или не строить отношения со своей собственной ценностью.

Эта книга не обещает вам чуда извне. Она предлагает то, что всегда было при вас: право вернуться к себе.

Когда я писала эти главы, я часто видела одну и ту же картину. Ночной город. Тысячи тёмных окон. За каждым кто-то сидит над телефоном и ждёт: ответа, звонка, объяснения, разрешения жить дальше. И вдруг в одном окне зажигается тёплый свет. Потом в соседнем. Потом ещё в одном. Не потому, что кто-то пришёл и спас. А потому, что человек за этим окном однажды перестал ждать и включил свет сам.

Ради этих окон и написана книга. Она о выходе из выученной беспомощности: из того состояния, когда кажется, что твоя жизнь начнётся только после чужого решения. Она для женщин, которые привыкли держать мир на своих плечах, и для мужчин, которые привыкли из этого мира исчезать, когда становится слишком близко. Обе эти привычки родом из детства. И обе можно перерасти.

Моя самая большая надежда простая. Чтобы стало больше крепких семей. Не идеальных, а живых, где взрослые достаточно взрослые, чтобы дети не расплачивались за их незрелость. Где от партнёра не убегают, а рядом с ним растут. Где не ищут в другом спасения, а выращивают себя. Потому что увидеть настоящую ценность в другом человеке можно только тогда, когда видишь её в себе.

Рецензия

Галуза Алла Владимировна, кандидат психологических наук, кафедра социальной и организационной психологии Белорусского государственного университета (БГУ)

Сильная сторона книги — честное разделение двух языков: там, где текст говорит о нейробиологии привязанности, горя, стресса, — это действительно отражает то, что известно науке, без соблазна выдать метафору за факт. Отдельного внимания заслуживает встроенная в повествование практическая часть: вопросы для рефлексии и пошаговые практики не декоративны, они методически выстроены и могут быть использованы читательницей самостоятельно — при уважении к ограничению, которое сам текст проговаривает: книга не заменяет очной психотерапевтической помощи в остром кризисе.

Если говорить о том, что стоит держать в уме читателю: книга сильнее всего работает для тех, кто узнаёт в героине собственный паттерн — спасательство, самопредательство, дефицит отцовского внимания. Это не универсальный учебник по всем видам душевной боли, и не должен им быть. В этом смысле точность фокуса — не недостаток, а признак того, что автор знает границы собственного метода.

Рекомендую эту книгу как читательницам, узнающим се-

бя в этой истории, так и специалистам — как пример того, как художественная форма способна донести психообразовательное содержание точнее, чем сухой нон-фикшн, не теряя при этом научной добросовестности.

Как работать с этой книгой

Эта книга — психотерапевтический роман исцеления, мой авторский жанр. Я верю, что терапию лучше всего передать не объяснением, а проживанием: вы проживаете историю вместе с героиней и тут же делаете практику. Я писала её для всех, кто хочет выйти из своего замкнутого круга, и особенно для тех, кто никогда не пойдёт к психологу. В этом жанре написана вся трилогия «Хроники Вечного Возвращения», и вы держите в руках её первую книгу.

Почему «Хроники Вечного Возвращения». Философ Фридрих Ницше называл вечным возвращением мысль о том, что жизнь повторяется снова и снова. Для меня это о другом. Мы возвращаемся к одной и той же боли: в похожих людях, в похожих расставаниях, в тех же словах, которые слышали ещё в детстве, а иногда, как верит Измира, даже через века. Это как код, записанный в нас задолго до того, как мы смогли выбирать. Круг повторяется, пока мы его не увидим. А когда увидели, код можно переписать: прожить, назвать и выбрать иначе. Эти три книги — хроники таких возвращений и выхода из круга. В первой женщина перестаёт сгорать ради любви. Во второй учится отпускать. В третьей мужчина переписывает код своего рода.

Как устроена глава. Сначала история Измиры, в которой вы узнаёте себя. Потом «Заметка наблюдателя», одна мысль

на полях. «Что говорит наука» объясняет, что происходит с человеком в теле и в психике; этот блок можно пропустить. «Язык смысла» говорит о том же на языке образа. Иногда заходит Наблюдатель-Провокатор и с юмором показывает, как мы держимся за свою боль. А в конце практика: наука показывает, что с вами происходит, практика — что с этим делать.

Два пути.

Если читать как роман, вы получите красивую и очень узнаваемую историю о женщине, которая перестала ждать и выбрала себя. Утешение, слова для своей истории и разрешение отпустить.

Если работать с книгой как с психотерапевтическим романом исцеления, вы получите карту своего замкнутого круга и простые навыки, чтобы из него выйти: отличать слова от поступков, называть свой страх, проживать злость через тело и закрывать незаконченное самой.

Выбор за вами. Если вы выбрали работу, читайте не больше одной-двух глав в сутки: прочитали, сделали практику, дали себе время. Как в терапии, человек растёт в паузах между встречами, когда делает шаги сам. Ответственность за то, что даст вам эта книга, у вас.

Об образах. Сны, видения и прошлые жизни здесь — язык образов, а не учение и не доказательство. Встречая их, спрашивайте себя не «было ли это на самом деле?», а «что этот образ говорит обо мне?».

Вопросы для рефлексии ко всем главам вы найдёте в конце книги.

Часть I. Узнавание

Тело узнаёт раньше, чем разум успевает испугаться.

Глава 1. Взгляд в солнце

Тело помнит то, что разум ещё не осмелился признать.

Юг Франции, Ницца. Конец лета. Каждое лето родители привозили сестёр сюда, к старым друзьям семьи, и Ницца стала для них вторым, летним домом. Полдень тяжёлый, неподвижный, как будто сам воздух загустел от зноя. Пахло нагретой на солнце хвоей, морской солью и цветущим жасмином — этот запах будет потом преследовать Измиру всю жизнь, всплывая в самые неожиданные моменты, как пароль в чужую память.

Ни ветра, ни облака. Только ровный, слепящий свет и стрёкот цикад — такой густой, что казался почти тишиной. Где-то вдалеке шумела набережная: голоса, звон посуды из открытого окна кафе, детский смех. Море внизу лежало неподвижным изумрудно-синим зеркалом, и в этом зеркале плавилось солнце.

Измире было двенадцать.

Утром она успела поспорить с сестрой-близнецом Аминой, кто дальше заплывёт за буйки, проиграть, обидеться ровно на семь минут и помириться за мороженым. Она была из тех девочек, которых во дворе выбирают капитаном, а дома просят «потише». Собирала в банку ящериц с оторванными хвостами, чтобы «полечить», раздаривала соседским

детям свои заколки и могла рассмешить даже строгую учительницу музыки. Взрослые говорили о ней: «Огонь». И не всегда это было похвалой.

Она стояла на небольшой каменной террасе, разгорячённая, с чуть влажными от жары ладонями, и смотрела на воду. Всё было как всегда — обычный, ничем не примечательный день из тех, что потом стираются из памяти. Она даже не подозревала, что этот полдень станет тем самым, с которого начнётся всё.

И в этот момент её взгляд сам собой потянулся к палящему солнечному диску.

Она смотрела в него, не отрываясь. Солнце не слепило. Оно звало.

Пространство вокруг замерло, стало густым, как янтарная смола. Звуки набережной отдалились, будто их укутали ватой. Время перестало быть линейным. В детскую голову ворвались вопросы, которые не вязались с её возрастом:

«Зачем я здесь? Для чего я прохожу этот путь? Что скрывается за этой видимой реальностью?»

Тело прошила мгновенная дрожь. Она шла не от холода — это было физическое, клеточное знание, минуя разум, минуя слова. Измира почувствовала: прямо сейчас, в эту самую секунду, в этот мир ступила душа, несущая в себе её вторую половину.

На другом конце планеты — под тем же небом — родился Адриан.

Их разница составила ровно двенадцать лет.

Она не могла этого объяснить. Но она знала. Не головой — телом, кровью, каждой клеткой.

И вслед за этим озарением пришла тяжёлая болезнь. Пять дней сжигающего жара, воспаление лёгких, критические показатели крови. Врачи говорили о состоянии на грани жизни и смерти.

Тело будто сжигало старое, освобождая место для чего-то нового — для той частоты, на которой Измире предстояло жить дальше.

В одну из ночей, на пике бреда, Измира открыла глаза. В абсолютной темноте у старого шкафа проявился чёткий силуэт молодого человека.

Он стоял неподвижно, спокойно склонив голову, и смотрел на неё с такой глубиной, что девочка закричала. Родители вбежали, зажгли свет — и силуэт мгновенно исчез.

Когда свет включился, на месте силуэта остался сидеть чёрный кот. Он смотрел на девочку странным, почти призрачным взглядом. Впоследствии это животное пробыло в доме недолго — родители вскоре решили отдать кота в другие руки.

Но Измира запомнила его взгляд. И холод, который шёл от него — холод, который был не злом, а каким-то предчувствием. Как будто это была её первая встреча с тем, чему предстояло произойти намного позже.

Измира не знала тогда, что в этой истории будут жить две

старые травмы — травма Адриана и травма самой Измиры.

Адриану было четыре года, когда его отец уехал по делам в другую страну. Это была обычная поездка — во всяком случае, так это подавалось. Чемодан, короткие сборы, дверь, которая закрылась не громче обычного. Никто не сказал мальчику «прощай» — даже простого «увидимся». Никто не сел рядом на корточки, чтобы объяснить, что происходит. Отец просто не вернулся.

Не было ни скандала, ни последнего разговора — только пустота на месте, где должен был быть человек. И эта пустота оказалась тяжелее любого прощания.

«Я слишком громко плакал? Я слишком много просил? Я был недостаточно хорошим?» — эти вопросы Адриан не произносил вслух. Он их чувствовал, как тихую, холодную тяжесть внутри, которую не мог назвать. Он стал послушным. Стал тихим. Стал пытаться быть идеальным — чтобы папа вернулся, чтобы мама перестала плакать, чтобы в доме снова стало тепло.

Папа не вернулся.

Но брошенность внутри осталась. Она живёт в том месте, куда не доходит ничья любовь. Она станет частью Адриана — той частью, которая всегда будет бояться, что его снова оставят. Которая будет уходить первой, чтобы не ждать. Которая будет искать отражение, потому что сама не знает, как светить.

А у Измиры была своя рана, о которой она ещё долго не

будет знать.

В пять лет Измира поняла: никто не придёт, никто не спасёт, она должна сама. Она стала спасать всех вокруг — потому что, если она будет нужна, её не бросят. Если будет полезна, её не оставят. Если будет держать всё под контролем — мир не развалится. Тогда же у неё появилась привычка, которую она заметит только через много лет: в трудную минуту она задерживала дыхание, а руки сами тянулись что-нибудь держать. Чашку, сумку, чужую ладонь, чужую беду.

Когда через много лет Измира встретила Адриана — она почувствовала его боль. И приняла её за глубину.

Прошло шесть лет. Измире — восемнадцать. Вечер, тёплый и медовый, спускался на приморскую террасу в Ницце неспешно — небо на западе ещё горело оранжевым, а над морем уже зажигалась первая звезда. Пахло свежесваренным кофе, чуть подгоревшим сахаром и морской солью. На семейном празднике у Грэга и его жены Клаудии, давних друзей её родителей, гости смеялись, звенел хрусталь, кто-то вдалеке наигрывал на гитаре.

Измира была яркой, дерзкой, витальной — с горящим взглядом и той редкой проявленностью, которая притягивает внимание. На левом плече у неё уже была татуировка Феникса.

Она сделала её в семнадцать, сама толком не понимая зачем. Просто однажды почувствовала: здесь, на левом плече, чуть выше сердца, должна жить птица, которая умеет подни-

маться из пепла. Тогда это было про дерзость и про красоту. Про то, что её не сломать. Настоящий смысл этой птицы откроется ей намного позже и не один раз.

В тот вечер она успела всё. Станцевать со старым дядей Грэга, который лет двадцать ни с кем не танцевал, и на десять минут вернуть ему молодость. Заметить, что официантка, совсем девочка, вот-вот уронит поднос, подхватить его вместе с ней и рассмеяться так, будто это и был номер программы. Поспорить с серьёзным гостем о том, может ли женщина хотеть всего сразу, и победить, ни разу не повысив голоса. Одна из тётушек покачала головой: «Слишком яркая. Трудно ей будет». Измира услышала и только рассмеялась. Ей было восемнадцать, и она ещё не знала, что свою яркость ей когда-нибудь придётся защищать.

Её взгляд случайно останавливается на шестилетнем мальчике, который держится за руку деда, — это был Адриан, племянник Грэга.

Измира смотрит на него так, как смотрят на что-то смутно знакомое, что не можешь вспомнить, — как обрывок сна, который тает при пробуждении. Странное чувство: «где-то я уже видела эти глаза», — мелькает и тут же теряется в шуме праздника. Она тут же отворачивается — мысль слишком странная, чтобы её удерживать, — и через минуту уже не помнит о ней.

Только годы спустя, оглядываясь назад, Измира вспомнит этот момент и поймёт: это было первое, ничего не значащее в

моменте узнавание — это ты, — смысл которого раскроется гораздо позже, когда они оба станут взрослыми.

Прошло ещё двенадцать лет. Измире — тридцать. Уже несколько лет она живёт в Ницце, искренне и глубоко любит своего мужа, воспитывает трёхлетнего сына Дамира. Реализованная женщина, честно несущая свои роли, научившаяся быть сильной. Именно поэтому то, что произойдёт с ней этим вечером, станет для неё самой полной неожиданностью — с человеком, которого она любит, у неё всё в порядке, и она никак не ждёт, что её вообще способно что-то так перевернуть.

Её утро начиналось с маленьких ладошек на щеках: сын будил её, проверяя, «открылись ли у мамы глаза». Они вместе варили кашу, и он сыпал в неё изюм так щедро, что получался изюм с кашей. Потом она отводила его в сад и шла в свой маленький кабинет с окном на море. К ней приходили люди, у которых что-то надломилось внутри, и уходили немного прямее. Она умела слушать так, что человек впервые слышал самого себя. И умела рассмеяться в самый нужный момент: однажды женщина, которая полчаса плакала о неверном муже, вдруг расхохоталась над её вопросом «а вам вообще было с ним интересно?» и ушла с той встречи свободнее, чем пришла. Вечером Измира забирала сына, и они строили на пляже крепости, которые тут же смывала волна. Она учила его не плакать над смытыми стенами, а строить новые. К себе она это правило пока не применяла.

Адриану исполняется восемнадцать.

Ночь тёплая, безветренная. Вдоль ниццкой набережной уютно светятся старинные фонари, отбрасывая золотистые блики на белую скатерть и бокалы. Волны у берега шепчутся вполголоса, будто не хотят мешать разговору за столом.

Измиру, замужнюю тридцатилетнюю женщину, и восемнадцатилетнего Адриана сажают друг напротив друга.

Завязывается разговор.

С первых же фраз Измиру накрывает состояние глубинного узнавания: на противоположном стуле сидит она сама — только в мужском обличье, с тем же масштабом мысли, той же дерзостью, тем же огнём.

Адриан подхватывал её фразы на лету, будто читал с открытой страницы. Он смотрел на неё так, будто знал её тысячу лет — и в его взгляде не было ни тени фальши.

«Он видит меня насквозь. До самого дна», — пронеслось у Измиры в голове.

В тот вечер их эго испугалось собственной обнажённости. Время полноценной встречи ещё не пришло. Между ними в тот вечер не случилось ничего, кроме разговора. Измира вернулась домой, к мужу и спящему сыну, и долго не могла уснуть. Не от вины. От странного чувства, что её впервые за много лет кто-то увидел целиком.

Позже, когда гости разошлись и Клаудия собирала со стола бокалы, Измира поймала себя на том, что смотрит Адриану вслед и думает о его отце, который когда-то ушёл и не

вернулся. Только сейчас, глядя ему вслед, она впервые почувствовала эту историю не как чужую, а как его рану.

И где-то под рёбрами у Измиры шевельнулась холодная, совсем не праздничная мысль: «А вдруг в нём живёт то же самое? Вдруг это у них в роду, как цвет глаз? Ген бегства». Она тут же отогнала её, почти рассердившись на себя: при чём тут это, ему восемнадцать, они просто поговорили за столом. Она выдохнула, длинно, до самого дна, и поставила бокал. Но мысль не исчезла. Она легла на дно, тихо, как камешек на дно колодца. Измира ещё не знала, сколько раз она к ней вернётся.

Годы спустя, вспоминая тот вечер у моря, Измира не раз спрашивала себя:

«Почему именно он? Почему тогда, а не раньше и не позже?»

И каждый раз внутренний голос — тот, что говорит не сразу, а после долгой тишины, — отвечал одно и то же: «Потому что раньше ты бы не выдержала этой встречи. Тебе нужны были эти двенадцать лет — не для него, а для себя. Чтобы к моменту встречи было кому встречаться».

Сегодня о «близнецовых душах» говорят много. Сам образ очень старый: в «Пире» Платона Аристофан рассказывает, что когда-то люди были цельными, боги рассекли их надвое, и с тех пор каждая половина ищет свою. Выражение «близнецовое пламя» появилось уже в эзотерике XX века. Психолог посмотрит на ту же встречу по-своему. По Карлу

Густаву Юнгу, рядом с таким человеком женщина встречает свой внутренний мужской образ, Анимус, а мужчина — свою Аниму. Поэтому такая встреча переворачивает жизнь: в другом мы узнаём собственный масштаб, который сами себе ещё не разрешили. А бегство в статус, в гонку или в молчание бывает защитой от этого масштаба, а не от женщины.

Разница в возрасте в двенадцать лет здесь сыграла роль своеобразного предохранителя: встреться они сверстниками — два сильных эго столкнулись бы в созависимой борьбе. А так у каждого было время на созревание: Измира нарабатывала внутреннюю опору, Адриан — собственный стержень.

ЗАМЕТКА НАБЛЮДАТЕЛЯ

Иногда мы влюбляемся не столько в человека, сколько в то, что рядом с ним впервые видим в себе: свой огонь, свой масштаб, свою глубину. Чувство от этого не становится ложным. Оно становится подсказкой. Задача такой встречи — не спасать, не ждать и не растворяться, а забрать эту силу себе.

Что говорит наука[1]

Тело знает раньше. То, что Измира называет «клеточным знанием», в науке называют интероцепцией: это способность чувствовать сигналы собственного тела. Нейробиолог Антонио Дамасио описал «соматические маркеры»: телесная реакция подсказывает решение раньше, чем разум успевает его обдумать.

Химия узнавания. Зеркальные нейроны, открытые Джакомо Риццолатти, активируются и когда мы действуем сами, и когда видим, как действует другой. Насколько они объясняют сопереживание у людей, учёные ещё спорят. А окситоцин и дофамин в моменты тёплого, безопасного контакта связаны с чувством близости и радости. Так что «химия» — не только метафора.

Почему после потрясения болеют. Сильный стресс запускает выброс кортизола, и на время иммунная защита слабеет. Дженис Кикольт-Глейзер и Рональд Глейзер показали, что после тяжёлых переживаний люди, и особенно дети, болеют чаще.

Видения в жару. При высокой температуре, на границе сна и бодрствования, мозг часто рождает яркие образы из памяти и тревоги. Психологического смысла они от этого не

[1] Учёные и авторы в книге названы коротко и один раз. Кто они и что книга у них берёт, рассказано в разделе «Имена и школы» в конце книги.

теряют.

Дежавю. Одна из ведущих гипотез объясняет его коротким сбоем, когда мозг на долю секунды помечает новый момент как «уже знакомый». Наука и символ здесь не спорят: можно смотреть на этот миг и так, и так.

Ребёнок думает, что виноват он. В четыре-пять лет мышление магическое: если случилось плохое, значит, из-за меня. По теории привязанности Джона Боулби, внезапный разрыв с близким взрослым оставляет в детской нервной системе привычку ждать потери. Она срабатывает раньше мысли и может жить в теле десятилетиями.

Взрослые вопросы маленьких детей. Префронтальная кора, которая отвечает за сомнение и самоконтроль, созревает примерно до двадцати пяти лет. Возможно, поэтому дети иногда задают удивительно прямые, «взрослые» вопросы: внутренний фильтр у них ещё не сложился. Это гипотеза, а не доказанный факт.

Две защиты от одной боли. Один ребёнок замирает и исчезает, чтобы его не бросили. Другой берёт всё на себя, чтобы никто не пропал. У Измиры это началось очень рано, ещё до слов, у Адриана в четыре года, когда слов для такого ещё нет. Поэтому, встретившись взрослыми, они узнают друг друга телом быстрее, чем словами.

Что знаешь о человеке, то в нём и ищешь. Если знать, что отец Адриана когда-то ушёл, мозг начинает искать подтверждение страху. Психологи называют это эффектом ожида-

ния. О самом Адриане это знание ничего не говорит. Оно говорит о том, где у Измиры уже есть рана.

Язык смысла: Феникс

Феникс — древний образ птицы, которая сгорает и восстаёт из собственного пепла. Для девочки, которая в пять лет решила, что никто не придёт и она должна справиться сама, это очень честный символ. Он говорит: «Я выжила. Меня можно сжечь, но нельзя уничтожить».

В этой книге Феникс будет появляться снова и снова: в ночь ливня, на гвоздях, на берегу другого океана. И каждый раз он будет говорить Измире чуть больше. Пока же он просто живёт на её плече, как обещание: что бы ни случилось, она поднимется. Цену этого обещания она узнает позже. Чтобы возрождаться, Фениксу каждый раз нужно сгореть.

Практика «Возвращение внимания в центр»

Наука говорит: тело замечает узнавание и опасность раньше разума, а ребёнок берёт чужой уход на себя. Значит, начинать нужно с тела: вернуть внимание из другого человека в себя и отделить его историю от своей.

Если сейчас вы проживаете болезненную паузу в отношениях, попробуйте:

Шаг первый. Заземление. Снимите обувь, встаньте стопами на плотную поверхность. Глубокий вдох через нос, медленный выдох через слегка приоткрытый рот. (Такое дыхание с удлинённым выдохом активирует блуждающий нерв — главный проводник парасимпатической нервной системы, которая отвечает за состояние покоя. Именно поэтому тело буквально успокаивается уже после нескольких циклов.)

Шаг второй. Снятие проекции. Положите правую ладонь на центр груди. Представьте человека, о котором вы тревожитесь. На выдохе произнесите мысленно: «Я забираю своё внимание и энергию из твоей фигуры. Моя сила возвращается в мой центр. Ты свободен идти своим путём, а я выбираю свою целостность».

Шаг третий. Фиксация границы. Почувствуйте, как с каждым вдохом грудь заполняется плотным золотисто-изумрудным светом. Вы больше ничего не удерживаете. Вы воз-

вращены себе.

Якорь. Положите ладонь на левое плечо, туда, где у Измиры живёт Феникс, и тихо скажите: «Моё тело помнит. И я могу выбирать». А потом спросите себя: что я выбираю сейчас?

Он научился исчезать. Она научилась держать. И где-то там, за двенадцать лет и тысячи километров до их первого настоящего разговора, их нервные системы уже узнали друг друга — задолго до того, как это сделали они сами.

О том, как спустя годы во Франции произошёл тот самый Поцелуй-Ключ, в чём загадка изумрудного платья и какая память сорвала запечатанные печати — в следующей главе.

Глава 2. Поцелуй-Ключ

Иногда единственное прикосновение способно взломать дверь, которую память запирала веками.

Июнь. Лазурный Берег наливался летом, но море ещё хранило весеннюю свежесть. Воздух был прозрачным, с лёгкой солёной горечью, которая оставалась на губах. Где-то вдалеке кричали чайки, и этот звук смешивался с шёпотом волн, набегающих на берег и откатывающихся назад, как дыхание.

Иногда бессознательное запечатывает наши воспоминания тяжёлым воском — до тех пор, пока тело и психика не окажутся полностью готовы к встрече с обжигающей истиной.

После той самой встречи за праздничным столом, когда Измире было тридцать, а Адриану восемнадцать, судьба снова разламывает их траектории — на целых двенадцать лет. Адриан уезжает: учёба, закрытые международные проекты, жёсткий и сложный путь формирования его мужской идентичности. Они не видятся и не переписываются. За эти годы закончился и брак Измиры: тихо, без врагов. Они с Матео остались родителями Дамира и научились быть ими врозь. Разум Измиры постепенно стирает острые детали прошлых встреч, оставляя лишь глубокий, звенящий покой.

Но у бессознательного свой сценарий.

Измира сидела за столом, сфокусированная на конспектах — серьёзное обучение, лекция за лекцией. Чашка кофе остывала рядом. На экране телефона загорелось сообщение от Грэга, дяди Адриана. Адриан возвращается и прилетает в Ниццу, а они с Клаудией живут далеко, в другом городе, на другом конце побережья. «Встреть его, пожалуйста, — писал Грэг. — Тепло, по-домашнему. Чтобы он не заблудился и не чувствовал себя чужим. И приюти на несколько дней».

Дрожь. Лёгкая, почти незаметная — как будто кто-то коснулся струны, которая дремала внутри неё много лет. И тут же — мощный телесный прорыв. Это была не просто радость: Измиру накрыла дикая, горячая волна витальной энергии, мысли мгновенно спутались, дыхание перехватило.

И следом — стыд и панический разум: «Боже! Он будет жить у меня?! Сколько ему вообще сейчас лет?! Мне стыдно даже думать об этом!» Разум барахтался в смущении, но тело уже выдало концентрированный, честный отклик. Измира положила ладонь на грудь и подождала, пока выдох станет длиннее вдоха. Потом рассмеялась над собой и ответила: «Конечно, встречу».

Следующую неделю Измира жила как в лихорадке. Собираясь на встречу, она прихорашивалась с трепетом девчонки, гадая — совпадёт ли его реальный образ с тем огненным фантомом, что проснулся в её крови.

Она чувствовала нечто похожее ещё тогда, за праздничным столом. Тогда она сказала себе: он не мог это приду-

мать, не мог это подстроить. Он был слишком молод, слишком неопытен, слишком настоящий. И в этом была его главная сила — и его главная уязвимость.

День встречи. Измира стояла в аэропорту Ниццы, в зоне прилёта, смотрела на выходящих пассажиров и чувствовала странное спокойствие — не волнение, не ожидание, а нечто другое: как будто она уже знала, что увидит его, и просто ждала, когда это случится.

Он вышел из стеклянных дверей зоны прилёта. Среднего роста, с гладко выбритой головой и лёгкой улыбкой. Взрослее, чем в прошлый раз. Но глаза остались теми же — глубокие, внимательные, немного уставшие.

Измира сделала шаг навстречу и тепло обняла его. И в эту секунду весь страх и лихорадка растворились. На смену панике пришёл невероятный, обволакивающий покой — словно после долгого скитания по штормовому миру ты наконец вернулся домой. К самому себе.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — ответил он.

Когда два человека встречаются, чтобы вспомнить, они не говорят о важном. Они просто смотрят друг на друга и чувствуют то, что не умещается в слова.

Первые дни были наполнены тишиной и странным уютом. Они сидели на кухне, пили кофе, говорили о простых вещах — о погоде, о жизни, о том, что каждый делал за эти годы. Но между словами было что-то ещё, что не требовало голоса. Он

знал, когда ей грустно. Она чувствовала, когда он уставал. Они двигались так, будто уже делали это раньше — вместе.

— Я не знаю, что это, — сказал он однажды. — Я никогда не чувствовал ничего подобного. Что я могу молчать с тобой — и это не напрягает. Как будто я уже знаю, что ты скажешь.

Она улыбнулась. Она знала это чувство.

Однажды утром она повела его на рынок. Он шёл за ней между прилавками, большой и немного растерянный, а она здоровалась с каждым торговцем по имени, пробовала оливки, спорила со старым рыбаком о свежести дорады и в итоге получила от него в подарок пучок укропа «для красивой мадам».

— Как ты это делаешь? — спросил Адриан. — Тебя здесь все любят.

— Я просто их вижу, — пожала плечами Измира.

Вечером они готовили вместе. Он резал помидоры слишком крупно, она смеялась и не поправляла. Он рассказывал о своей работе, а она слушала, подперев щёку ладонью, и задавала такие вопросы, что он останавливался на полуслове: «Об этом меня ещё никто не спрашивал».

Потом они пошли к морю. Вода была ещё по-июньски свежей, колючей. Адриан стоял по щиколотку и ёжился. Измира, не раздумывая, нырнула с головой, вынырнула, отфыркиваясь, и крикнула:

— Ну! Чего ты ждёшь? Теплее жизнь не станет!

И он вошёл. Весь, до плеч, вскрикнув от холода, а потом

засмеялся так, как, кажется, не смеялся очень давно. Измира смотрела на этот смех и думала, что ради таких минут, наверное, и стоит жить: когда рядом с тобой человек вдруг разрешает себе быть живым.

Она заметила ещё одну странность: она не чувствовала его запаха — привычно ловила запахи людей, а его — нет.

— Я не чувствую твоего запаха, — сказала она однажды, не как упрёк, а как наблюдение.

Он улыбнулся:

— Может быть, это потому, что мы — одно?

Она не знала, шутит ли он. Но в его словах была правда, которую она не могла отрицать. Она вспомнила, как сама когда-то отмечала в нём эту едва уловимую готовность стать незаметным — как будто часть его всегда была готова исчезнуть.

На четвёртый день эта готовность показалась ещё раз, уже без слов. Вечером к Измире зашла соседка с дочкой: шумно, с пирогом, с новостями. Измира обернулась, чтобы представить Адриана, а его в комнате не было. Она нашла его на балконе. Он стоял спиной ко всем и смотрел на море так, будто прикидывал, далеко ли до горизонта. Когда гости ушли, он вернулся весёлый и лёгкий, как ни в чём не бывало.

— Ты куда пропал? — спросила она.

— Дышал, — улыбнулся он.

Вопрос уже стоял у неё на языке: почему ты уходишь, когда становится людно и тепло? От кого? Челюсть сжалась,

руки сами потянулись поправить ему воротник. И она проглотила вопрос. Не захотела портить вечер. Сказала себе: показалось. Позже она не раз вернётся к этой минуте на балконе. Это было первое, что она увидела и решила не видеть.

Провокативная терапия: голос Наблюдателя-Провокатора

Это голос из провокативной терапии американского психотерапевта Фрэнка Фарелли: иллюзия доводится до смешного, и смех помогает её отпустить. Наблюдатель-Провокатор говорит на «вы» и смеётся не над героиней, а вместе с ней над её ловушкой. Дальше он будет иногда заходить в главы.

Ловушка «мгновенной уверенности» подкрадывается незаметно: если тело сразу и очень сильно среагировало, значит, это точно судьба, а не гормоны, совпадение обстоятельств и удачное освещение.

— Позвольте уточнить, — говорит Наблюдатель и поправляет невидимые очки. — Сердце забилось быстрее, запаха его одеколона вы не почувствовали. И из этого следует, что вы одна душа, разлучённая ещё в древности?

— Звучит убедительно, — отвечает Измира.

— Очень. Особенно если не спрашивать, какой он человек. Зачем спрашивать, когда есть пульс? Пульс, как известно, лучший в мире детектор лжи. А освещение вы учли? На закате все мужчины немного родственные души.

Измира улыбнулась своей готовности объяснять физиологию судьбой — и всё же решила слушать не только тело, но

и то, что он говорит и делает дальше.

Это случилось неожиданно. Обычный вечер, тишина. Его рука коснулась её руки. Она не отдёрнула её — просто замерла.

— Что ты чувствуешь? — спросил он.

— Я не знаю, — ответила она. — Это как будто я уже была здесь. С тобой.

Он наклонился и поцеловал её.

Этот поцелуй стал Ключом. Не тем, что отпирает двери, а тем, что снимает печати с самой Души. Он оказался взломщиком бессознательного. Печати слетели одна за другой. В единый миг перед глазами Измиры пронеслась молниеносная кинолента: солнце в двенадцать лет, болезнь-перестройка, взгляды прошлых лет. Пазлы собрались. Но кинолента утянула её ещё глубже — в память прошлых воплощений.

Франция, XIV век.

Измира видит себя — строптивую, дикую, с длинными тёмными волосами и несокрушимым внутренним огнём. На ней яркая зелёная юбка. В ранней юности отец заставлял её торговать на рынке — и это вызывало у неё внутреннее отторжение. Когда отец попытался выдать её замуж за богача, она взбунтовалась: «Я выйду только за свою душу! За свою половинку!»

Она выбрала Адриана. Они жили скромно, но их дом был наполнен звенящим, абсолютным богатством духа. У них рос тринадцатилетний сын Дамир. Так же, как в этой жиз-

ни зовут её собственного сына. Измира нашла своё истинное призвание: к ней шли люди, она передавала им глубокие знания — под навесами ученики выводили знаки палочками, слушая её чистый голос. Муж обожал её, сын гордился ею. Она была счастлива.

Они ждали дочку — черноволосую, голубоглазую Софию. Но медицина XIV века была бессильна перед тем, что мы сегодня называем предлежанием плаценты: плацента закрывает выход из матки, и в родах открывается сильное кровотечение. Сегодня мать и ребёнка спасает операция. Тогда спасти их было нельзя. Она вместе с нерождённой Софией ушла из жизни прямо в родах.

Горе разрушило оставшихся. Отец Измиры в безумии и гневе обрушился на убитого горем Адриана: «Это ты виноват! Ты нищий! Если бы она вышла за богатого, у неё были бы лучшие лекари, и она была бы жива!»

В ту ночь в бессознательное Адриана намертво въелся ядовитый страх нищеты и бессилия: «Я не смог защитить свою женщину. Моя бедность убила её».

Он пережил ту ночь. Но не пережил горя.

Измира увидела это так ясно, будто стояла рядом. Адриан ходил по дому, где всё ещё пахло её травами, и не мог ни плакать, ни говорить. Перестал есть. Часами сидел на пороге и смотрел на дорогу, по которой она когда-то возвращалась с рынка. Тринадцатилетний Дамир пытался его растормошить, приносил хлеб, звал по имени, а отец смотрел

сквозь него, как сквозь стекло. Горе выпило его за одну зиму. Однажды утром он просто не проснулся.

Дамир остался круглым сиротой. Сначала без матери, потом без отца. И ни один из них с ним не попрощался.

Здесь, в этом месте памяти, у Измиры перехватило дыхание. Потому что она знала, что было дальше, спустя века. В этой жизни отец уехал от четырёхлетнего Адриана и не вернулся. Без прощания. Без объяснений. Тот, кто когда-то не выдержал горя и оставил сына одного, теперь сам оказался на месте этого сына. Он проживал изнутри ту самую боль, которую когда-то, вовсе того не желая, причинил своему ребёнку.

И вдруг ей стало понятно, почему он убегает. Не от неё. Не от любви. Он убегает от потери, которую однажды уже не смог пережить. Где-то в самой глубине его тело помнит: «Если я останусь рядом и снова потеряю, я этого не выдержу». Поэтому он всегда будет уходить первым. Так ему кажется безопаснее.

Она открыла глаза. Слёзы текли по её лицу.

— Ты в порядке? — спросил он, глядя на неё с беспокойством.

— Я всё вспомнила, — прошептала она. — Я знаю, кто ты. Я знаю, кто я. Мы уже были вместе. В другой жизни.

Он молчал. Умом он не мог этого понять. Но ей показалось, что он тоже что-то почувствовал.

Ночь после Ключа

В ту ночь Измира не спала.

Адриан уснул быстро, как засыпают люди, у которых внутри что-то сдвинулось и требует тишины. А она лежала рядом и смотрела в темноту. Перед глазами всё ещё стояли каменные стены, запах трав в сушильне, тяжёлые деревянные двери. Она не была уверена, что всё это было. Но она точно знала, что это чувствовала.

Около двух она тихо встала, накинула шаль и вышла на кухню. Зажгла маленькую лампу над столом, достала тетрадь и начала записывать. Всё, что запомнила. Цвета. Запахи. Лица. Голоса. Свои ощущения в теле в тот момент, когда видела каждую картину. Она писала быстро, не исправляя, как записывают сон, пока он не растаял.

Потом остановилась и перечитала.

Как психолог, она понимала: это может быть чем угодно. Метафорой, которую создала её психика, чтобы объяснить необъяснимую силу этого узнавания. Сном наяву. Игрой воображения на фоне сильных чувств. Она не собиралась никому ничего доказывать. Даже себе.

Но одно было важно, и это она подчеркнула двумя линиями. Неважно, было ли это на самом деле. Важно, что эта история рассказала ей правду о сегодняшнем дне. О его страхе потери, который сильнее его самого. О её привычке дер-

жать всё на своих плечах, даже когда держать уже некого. О том, что они оба несут что-то, что началось задолго до этой встречи.

Левое плечо горело.

Измира коснулась Феникса и почувствовала, что татуировка тёплая, почти горячая, как кожа после солнца. Она вспомнила, как в семнадцать лет пришла в маленький салон и сказала мастеру: «Феникс. Чтобы помнить, что я всегда поднимусь». Тогда это была клятва девочки, которая уже слишком много раз падала. А сейчас, в эту ночь, птица как будто говорила с ней на другом языке. Не «ты поднимешься». А «ты уже поднималась. Много раз. Много жизней».

Она закрыла тетрадь и долго сидела, обхватив чашку остывшего чая. За окном было темно и тихо, только где-то внизу проехала одинокая машина.

Утром Адриан нашёл её спящей прямо за столом, с головой на сложенных руках. Он не стал будить. Накрыл её своей курткой и сварил кофе на двоих. Когда она открыла глаза, он сидел напротив и смотрел на неё так, будто видел впервые.

— Ты что-то писала, — сказал он.

— Да. То, что видела.

— Покажешь?

Измира подумала и покачала головой.

— Не сейчас. Может быть, когда-нибудь.

Она не знала тогда, что «когда-нибудь» наступит через много месяцев, и он прочтёт всё это не в тетради, а в книге.

Вечером она вернулась к тетради и дописала ещё несколько строк. Не как психолог, а как женщина, которая пытается понять.

«Есть старая вера: души встречаются снова не для того, чтобы наконец быть вместе, а чтобы договорить то, что осталось непрожитым. Не знаю, правда ли это. Но вот что я вижу точно.

Ему нужно перестать доказывать, что он достаточно силён, чтобы удержать и защитить свою женщину. Если мужчиной движет гонка за статусом, а в паузах ледяное молчание, за этим часто стоит не холод, а очень старый страх не уберечь. И самое трудное для него: перестать уходить первым. Узнать, что сегодняшний взрослый мужчина может выдержать то, чего не выдержал когда-то убитый горем отец Дамира.

Мне нужно перестать быть проводником, который всё выносит на себе. Мне не нужно снова сгореть в служении.

А нам обоим — научиться быть рядом не из страха потери, а как два взрослых человека, у каждого из которых есть своя опора. И дать друг другу свободу выбора».

Одну мысль она записывать не стала, но запомнила: узел развязывается не тогда, когда двое обо всём договорились, а когда один из них перестаёт ждать и начинает жить свою жизнь.

ЗАМЕТКА НАБЛЮДАТЕЛЯ

Вспышка памяти — не доказательство и не приговор. Это фонарик: он показывает, где болит. Но идти туда всё равно придётся своими ногами, в этой жизни и сегодня.

Что говорит наука

Будто знакомы всегда. Ощущение, что с человеком можно молчать и не напрягаться, психиатры Томас Льюис, Фари Амини и Ричард Ланнон назвали лимбическим резонансом: нервные системы близких людей подстраиваются друг под друга, под дыхание, интонации, ритм. Это образ из их книги «Общая теория любви», а не измеренный прибором механизм, но многим он помогает понять, что с ними происходит.

Память, которая приходит сама. Научных доказательств прошлых жизней нет, и эта книга их не предлагает. Станислав Гроф и трансперсональная психология предлагают понимать такие переживания как глубокие образы психики, а не проверять их. А сам механизм вспышки известен: прикосновение, запах или вкус могут мгновенно поднять целый пласт образов и чувств. Это непроизвольная память; писатели вспоминают «мадленку» Марселя Пруста.

Почему тот, кто однажды потерял, уходит первым. Ребёнок, переживший внезапную потерю близкого взрослого, нередко вырастает человеком, который избегает глубокой привязанности. Близость для его нервной системы связана не с теплом, а с угрозой новой утраты. Уйти первым кажется безопаснее.

Язык смысла: Поцелуй-Ключ

В старых сказках поцелуй будит спящую царевну. Это не случайный сюжет. Прикосновение, которому доверяет тело, способно отпереть то, что разум держал под замком. В этой главе поцелуй работает как ключ: он не создаёт память, он снимает с неё печать.

Важно и другое. Ключ открывает дверь, но не обязывает в неё входить и не обещает, что за ней счастье. За дверью Измиры оказалась не сказка, а горе, вина и сирота Дамир. Иногда самое ценное, что даёт нам встреча с человеком, — не он сам, а то, что при нём наконец открылось в нас.

Практика: «Расклейка временных ролей»

Наука говорит: чувство «знакомы всегда» и внезапные образы памяти может запускать старая боль, а тот, кто однажды потерял, уходит первым. Поэтому практика разделяет времена: что было тогда и что происходит сейчас, с этим человеком.

Если вы чувствуете, что в ваших отношениях есть груз чужой ответственности или неоправданных страхов «быть недостаточным», выполните это упражнение:

Шаг первый. Разделение временных пластов. Сядьте удобно, сделайте глубокий вдох и медленный выдох. Положите руку на центр груди. Мысленно произнесите: «Всё, что было в прошлом, остаётся в прошлом. Я отделяю опыт прошлых поколений от моего „здесь и сейчас“».

Шаг второй. Освобождение партнёра. Представьте образ близкого человека. Посмотрите ему в глаза и скажите: «Я больше не требую от тебя доказательств твоей силы. Тебе больше не нужно спасать меня или доказывать свою ценность. Ты свободен от старых обязательств».

Шаг третий. Возвращение в тело. Ощутите, как с ваших плеч спадает тяжёлая невидимая мантия. Сделайте глубокий вдох, почувствовав, как лёгкие наполняются чистым воздухом настоящего момента.

Якорь. Вспомните одно прикосновение в своей жизни, после которого вы поняли о себе что-то важное. Не о нём. О себе. Запишите это одной фразой. И спросите: что я выбираю сейчас, зная это?

Он пережил ту ночь, но не пережил горя. И ушёл, унеся с собой вину, которая не была его виной, и оставив сына одного. Она умерла, не договорив главного. И теперь, спустя века, оба тела снова оказались в одной комнате — чтобы наконец договорить.

А о том, какой особый контракт заключил Адриан, почему он ушёл в рискованный закрытый проект и как Измира проживала первое испытание ледяной тишиной — читайте в третьей главе.

Глава 3. Изумрудное платье

Выбрать себя — не значит разлюбить. Это значит наконец полюбить и себя тоже.

Когда бессознательное двух людей настраивается на одну частоту, сама реальность вокруг них начинает уплотняться, превращая обыденные дни в гипнотический, тягучий сон. Лазурный Берег стоял в своей обычной красоте — солёный воздух, стрёкот цикад, дальний плеск волн, — но для Измиры и Адриана эти дни звучали иначе, чем для всех остальных.

Первые несколько дней, когда Адриан жил в доме Измиры, превратились в абсолютное, концентрированное наслаждение. Любовь висела в воздухе густым, тёплым облаком. В каком бы пространстве они ни находились — за утренней чашкой кофе, в узком коридоре, в тишине комнаты — этот плотный контакт обжигал.

Никто из них не смел произнести главное вслух. Они просто ходили по дому и удивлялись: неужели на земле существует человек, настолько идентичный тебе? Ты заранее знаешь его выбор. Ты считываешь его вкусы без единого слова.

Вскоре им нужно было поехать в другой город, на семейный ужин к Грэгу и Клаудии. И здесь произошло странное психологическое расщепление: двух взрослых, реализован-

ных людей будто сбросило в подростковое состояние. Они были вынуждены прятать взгляды и шифровать каждое случайное касание.

Перед ужином Измира ушла в дальнюю комнату и вместо обычной одежды надела изумрудно-зелёное платье.

Когда она вышла к столу, с Адрианом произошло нечто невероятное. Он потерял дар речи, взгляд замер. Разум ещё не понимал причину, но что-то глубже разума сработало мгновенно: перед ним стояла та самая строптивая женщина из памяти XIV века в зелёной юбке — та, которую он любил больше жизни и не смог сберечь.

Грэг, заметивший этот немой, наэлектризованный обмен взглядами, беззлобно пошутил, пытаясь разрядить обстановку за столом. Измире показалось, что шифр сработал и он вспомнил всё. Позже она не раз спросит себя, не придумала ли она этот взгляд. Но в ту минуту она была уверена.

Ночью, когда весь дом заснул, Адриан тихо пробрался в комнату Измиры.

Это была самая честная ночь в их жизни. В ней не было ни капли пошлости. Он уснул первым и даже во сне не отпускал её руку, держал пальцы так, будто боялся, что она исчезнет. А она лежала, слушала его ровное, медленное дыхание и впервые за много лет не боялась. Страх, копившийся

веками, тихо превращался в доверие.

Адриан знал, что со дня на день придут документы по его новому проекту. Обнимая Измиру в темноте, он шептал ей о будущем:

— Ты полетишь со мной. Мы будем жить у самого океана вместе. Тебе даже не нужно будет краситься — ты всегда прекрасна для меня.

Они строили общий мир. Адриан искренне верил, что сможет забрать её с собой.

Их первый спор случился на следующее утро, из-за пустяка, как это и бывает. За кофе он сказал между делом:

— Там, у океана, ты сможешь вообще не работать. Отдохнёшь наконец.

Он хотел подарить ей отдых. А она услышала: твоё дело — это то, от чего тебя нужно спасти.

— Моя работа не то, от чего я устала, — сказала она резче, чем хотела. — Это то, кто я есть. У меня здесь люди. И сын.

— Я же не об этом, — растерялся он. — Я просто хотел, чтобы тебе было легко.

— Мне не нужно легко. Мне нужно, чтобы меня видели.

Он замолчал. Не обиженно, а как-то сразу весь, будто внутри у него опустили штору. Взял чашку и вышел на балкон. И Измира, вместо того чтобы дать ему эту минуту, через полминуты уже стояла рядом, гладила его по спине и говорила, что погорячилась, что всё хорошо, что это неважно. Она спасла утро. И не заметила, что спасала его от его соб-

ственного молчания, а себя от страха, что он уйдёт.

Тогда же он впервые сказал вслух то, чего она потом так долго не будет слышать:

— Если документы придут, мне, может быть, придётся уехать раньше. Одному. Сначала одному.

Она кивнула и услышала только слово «сначала».

Всего десять дней. Позже Измира не раз будет удивляться, как в десять дней поместилась целая жизнь: аэропорт, кухня, молчание, которое не напрягало, изумрудное платье, эта ночь. Как будто время, которого у них не было в прошлый раз, решило отдать долг сразу, одним глотком.

Провокативная терапия: голос Наблюдателя-Провокатора

Есть убеждение, которое удивительно живуче: одна волшебная ночь — гарантия совместного будущего. И чем сильнее было чувство ночью, тем меньше почему-то хочется проверять его словами при свете дня.

— Давайте посчитаем, — Наблюдатель загибает пальцы. — Одно изумрудное платье. Одна ночь признаний. Одна фраза «тебе даже не нужно будет краситься». Итого: план на всю жизнь у океана. А неделю посмотреть, что он будет делать, вы не пробовали?

— Неделя — это долго, — говорит Измира.

— Ну конечно. За неделю может вмешаться реальность. Лучше успеть построить замок, пока она не проснулась.

Измира посмеялась над скоростью, с которой строила воздушные замки — и всё равно осталась благодарна той ночи, просто оставила её ночью, а не фундаментом.

На следующий день пришёл жёсткий удар.

Адриан был специалистом высокого уровня, связанным с закрытыми научно-исследовательскими проектами. Документы пришли раньше, чем он надеялся, и с условием: он отправляется на закрытый объект один — без семьи, в условиях полной секретности и изоляции. Никаких исключений.

Когда Адриан привёз эту новость, его физически шатало.

На нём не было лица — стыд и чувство вины перед Измирой выжигали его изнутри. Ему казалось, что он снова разрушил их общий мир.

Рассудочная, обиженная часть Измиры сначала задала логичный вопрос: «Почему он сразу не выставил границы? Почему не отказался от проекта ради нас?»

Но в следующий миг заговорила другая, более зрелая её часть.

Она посмотрела в его растерянные, полные боли глаза, мягко обняла его за плечи и сделала то, чего его Эго никак не ожидало. Она полностью сняла с него чувство вины.

— Ты не должен нести этот груз, Адриан, — тихо сказала она. — И дело не только в твоём контракте. Я сама выбираю остаться. Я выбираю себя и свою жизнь.

Измира осознала: она не может и не имеет права просто всё бросить и улететь следом за ним, отменив собственную жизнь. Ей нужно было достроить свой фундамент — закрыть рабочие и учебные обязательства, встать на ноги во всей полноте, независимо ни от кого.

Она отпустила его не из слабости, а из настоящей силы. Адриан улетал в свой закрытый проект, зная: его не проклятили и не обвинили. Его отпустили с миром.

В последний вечер, уже собрав сумку, он обнял её и сказал: «Ты сильная. Ты всё выдержишь». Тогда ей показалось, что это комплимент.

А потом он заплакал. По-настоящему, уткнувшись ей в

плечо, как плачут мальчики: он уезжал один, и от этого ему было невыносимо. Она гладила его по голове и верила каждой слезе. Так обмануть нельзя, думала она. Такое невозможно придумать.

Последнее утро

В последнее утро Измира проснулась раньше него.

За окном только начинало сереть. Адриан спал на спине, раскинув руки, как спят дети и очень уставшие люди. Одна ладонь лежала раскрытой на одеяле, будто он и во сне что-то отпускал. Измира смотрела на эту ладонь и запоминала. Линию жизни. Маленький шрам у основания большого пальца, про который он так и не успел рассказать. Тепло, которое шло от его кожи даже на расстоянии.

Она встала тихо, чтобы не разбудить. На комоде лежала горсть мелочи, которую он вечером выгреб из карманов. Сварила кофе. Достала из шкафа его рубашку, единственную, которую он привёз с собой, и начала гладить. Медленно, складку за складкой. Она не думала ни о чём. Просто гладила и дышала запахом горячей ткани. Потом поймала себя на мысли: так гладили рубашки женщины до неё. Сотни лет. Перед войной, перед дальней дорогой, перед морем. Молча. Вкладывая в каждое движение то, что нельзя сказать вслух.

Адриан вышел на кухню босиком, ещё сонный, и остановился в дверях.

— Ты гладишь мне рубашку, — сказал он так, будто увидел чудо.

— Глажу, — улыбнулась она.

— Мне никто никогда не гладил рубашку. Кроме бабуш-

ки.

Он подошёл сзади, обнял её и уткнулся лицом ей в шею. Они стояли так долго. Утюг остывал на подставке. Кофе остывал в чашках. Никто из них не говорил «я буду ждать» и «я вернусь». Оба знали, что любые слова сейчас будут слишком маленькими.

По дороге в аэропорт он держал её руку на коленях и всё время гладил большим пальцем её запястье. Туда-обратно. Туда-обратно. Как будто проверял пульс. Как будто хотел убедиться, что она настоящая.

У паспортного контроля он обернулся. Посмотрел на неё долго, внимательно, как смотрят, когда стараются запомнить лицо навсегда. И Измира вдруг увидела в нём не взрослого мужчину, а мальчика. Растерянного, испуганного мальчика, которого снова куда-то увозят от того, кого он любит.

— Увидимся, — сказал он.

Просто, тихо, как говорят о завтрашнем дне. И улыбнулся той самой улыбкой, от которой у неё десять дней подряд теплело в груди.

— Увидимся, — ответила она.

Она не заплакала. Задержала дыхание, подняла руку и помахала, улыбаясь. Улыбалась, пока он уходил по длинному коридору, пока не исчез за поворотом, пока на табло не погасла строчка его рейса.

А потом села в машину, вцепилась в руль и долго сидела не двигаясь. Внутри было тихо и пусто, как в доме после то-

го, как уехали гости. Она ещё не знала, что эта тишина продлится долго. Она знала только одно: что бы ни случилось дальше, эти десять дней были. И их уже никто не сможет у неё отнять. Она разжала пальцы на руле, выдохнула, длинно, до самого дна, и завела мотор.

Первые недели он писал. Часто, нежно, с голосовыми, в которых его голос был растерянным и тёплым: «Я не хочу делать тебе больно. Ты лучшее, что есть в моей жизни. Скоро приеду». Ни разу не позвонил, только писал. А почти через месяц сообщения стали реже, короче. И однажды прекратились совсем. Наступила глухая, абсолютная тишина.

И в этой тишине со дна поднялся тот самый камешек.

«Он уехал и замолчал. Как его отец». Мысль пришла не словами, а холодом в животе. Измира стояла на кухне с чашкой в руках и не могла сделать глоток. Она понимала умом: у него рухнули планы, ему стыдно, ему нужно время. Но тело не слушало ум. Тело кричало то, что знало с самого раннего детства: «Опять. Опять кто-то уходит, ничего не объяснив. И опять ты остаёшься и не понимаешь, что сделала не так».

Она ещё не знала, что этот страх совсем не про Адриана. Что он про маленькую девочку внутри неё, которая когда-то уже стояла у закрытой двери и не знала, вернутся ли за ней. Эту девочку предстояло наконец встретить. Но для этого нужен был кто-то, кто сумеет её увидеть.

Позже, уже без злости, Измира сможет увидеть и его сторону. В памяти XIV века он остался тем, кто не уберёг свою женщину. В этой жизни ему, наверное, казалось, что сначала нужно доказать себе силу, пройти путь одному, а уже потом быть рядом. Цена этого выбора оказалась высокой для них обоих. И всё же это был его выбор.

А её выбор был другим. В XIV веке её уход был трагедией, которую никто не выбирал. В этой жизни его отъезд тоже случился не по её воле. Но как его встретить, решала она. Она осталась, чтобы достроить свою опору, и никто её об этом не просил.

ЗАМЕТКА НАБЛЮДАТЕЛЯ

Ночь может быть настоящей и всё равно не стать фундаментом. Чувство проверяют не ночью, а днём: что человек делает, когда становится трудно. И что делаете вы.

Что говорит наука

Будто знаешь его наперёд. Мозг всё время строит прогноз, что сделает близкий человек. Чем плотнее и открытее контакт, тем точнее прогноз. Отсюда чувство «я знаю, что он скажет», и оно бывает обманчивым: прогноз — ещё не знание.

Платье как ключ. Цвет, силуэт, запах могут мгновенно поднять целый пласт чувств раньше, чем человек успеет подумать. Это память, которую запускает подсказка извне; психологи Эндел Тульвинг и Дональд Томсон показали, как сильно воспоминание зависит от таких подсказок.

Стыд немеет. Человеку в остром стыде кажется, что признаться в слабости равно катастрофе. Поэтому стыд часто отнимает голос именно тогда, когда простой честный разговор нужнее всего.

Когда пауза в переписке ощущается как смерть. Нервная система плохо отличает «он не пишет три дня» от «мама ушла, и я не знаю, вернётся ли она». В теории привязанности это называют активацией системы привязанности: тревога растёт быстрее, чем разум успевает объяснить, что происходит.

Язык смысла: Изумруд

Изумрудный — цвет Измиры. В XIV веке это была её зелёная юбка, цвет травницы, которая знала, какая трава успокаивает, а какая помогает отпустить. В этой жизни это платье, в котором её узнали. Зелёный — цвет сердца, живого и растущего. Он не про то, чтобы понравиться. Он про то, чтобы быть узнанной такой, какая ты есть.

Обратите внимание: Измира надела изумрудное платье не для того, чтобы удержать Адриана. Она надела его, потому что в тот вечер была собой. Иногда самое сильное, что может сделать женщина, — просто перестать прятать свой цвет.

Практика: «Отпускание с достоинством»

Наука говорит: мозг всё время строит прогнозы о близком, а пауза в переписке ощущается телом как угроза. Практика возвращает вас от прогноза к фактам и к своему фундаменту: что моё, а что его.

Если вам приходится отпускать человека, оставаясь при этом с болью и незавершённостью, попробуйте:

Шаг первый. Признание своей части правды. Сядьте спокойно и честно проговорите про себя: «Мне больно, что всё сложилось именно так. Эта боль настоящая, и я не обязана её прятать».

Шаг второй. Возврат ответственности. Мысленно обратитесь к тому, кого отпускаете: «Твой выбор — это твой выбор. Я не беру его на себя, и я не обвиняю тебя в нём».

Шаг третий. Возврат к своему фундаменту. Спросите себя: «Что из моего собственного, отдельного от него, мне нужно достроить прямо сейчас?» Запишите один конкретный шаг и сделайте его сегодня же, пусть маленький.

Якорь. Найдите у себя вещь своего цвета, того, в котором вы чувствуете себя собой. Наденьте её или просто подержите в руках и скажите: «Мне не нужно прятаться, чтобы меня любили». Что я выбираю сейчас?

Она отпустила его, не унижая ни себя, ни его. И в этой ти-

шине, оставшейся после его отъезда, впервые за долгое время было слышно не отчаяние, а её собственное дыхание.

А о том, как Измира прожила испытание молчанием, что скрывалось за холодной обороной Адриана и какой знак послало ей пространство — читайте в четвёртой главе.

Часть II. Молчание

Когда другой молчит, становится слышно себя.

Глава 4. Две серые галочки

Молчание другого человека не всегда про тебя. Иногда это просто его собственная зима.

Две серые галочки.

Измира заметила их один раз, вечером, когда отвечала ученице. Сообщение Адриану было доставлено, но так и не прочитано. Она посмотрела на эти две маленькие серые галочки чуть дольше, чем нужно, и почувствовала, как внутри что-то тихо сжалось.

Она не была из тех, кто не выпускает телефон из рук. Она умела отключаться: от новостей, от чужих ожиданий, от шума. Работа, ученики, тексты, море по утрам держали её в живом ритме. Но в этот вечер она решила сделать маленькую вещь, которая оказалась совсем не маленькой.

Она сняла с экрана их общую фотографию. Ту, где они смеются на набережной, и ветер бросил ей волосы прямо ему в лицо. На её место она поставила белый фон. Просто белый. Без картинки, без надписи, без ничего.

Экран сразу стал непривычным, как чистая комната после переезда. А потом Измира поняла, что белый цвет не пустой. Он чистый. Это не стена, а лист. На нём ещё ничего не написано, и именно поэтому на нём можно написать что угодно.

Телефон она положила в ящик стола. Не спрятала навсе-

гда. Просто положила, как кладут туда очки, когда они не нужны. Это был не запрет, а жест: моё внимание принадлежит мне. Я сама выбираю, куда его отдавать.

Следующие дни были плотными и тёплыми. Консультации, тексты, занятия, разговоры с подругами. Ей было чем жить. Ожидание не съедало её дни, потому что она не отдавала их ожиданию.

Но одна ночь всё-таки случилась.

Измира проснулась около трёх. Не от сна, не от звука. Просто открыла глаза, и внутри уже было то самое: густое, горячее, живое. Ей захотелось написать ему. Не красиво и не мудро. Честно. Так, как пишут, когда больше не хочется быть только правильной.

Она встала и написала. Длинно, сбивчиво, от сердца. Что ей больно. Что она скучает. Что она не понимает его молчания. Что она злится и сама удивляется своей злости. Что ей не нужно ничего обещать, ей просто важно сказать правду.

Перечитала. Каждое слово было правдой. Ни одного слова о том, какой он плохой. Только о том, что происходит с ней.

И отправила.

Сначала пришло смущение. Взрослая женщина, психолог, человек, который учит других держать границы, в три часа ночи пишет мужчине, который молчит. Она легла, натянула одеяло до подбородка и долго смотрела в потолок.

А потом пришло облегчение. Широкое, как выдох после долгой задержки дыхания. Плечи опустились. Челюсть раз-

жалась. Внутри стало просторно.

И тут же следом мысль, хитрая и очень знакомая: «Вот видишь, раз стало легче, значит, я права». Измира поймала эту мысль и рассмотрела её, как рассматривают незнакомый камешек на ладони.

Нет. Облегчение после отправленного письма — это выдох, а не признак правоты. Тело выдохнуло, потому что перестало держать в себе то, что держать было больно. Но это ничего не говорит о том, ответит ли он, поймёт ли, изменится ли что-нибудь. Это говорит только о ней: она больше не делает вид, что ей не больно.

Утром она перечитала письмо и не стала его удалять. Ей не было за него стыдно. И впервые в жизни она подумала, что, может быть, быть взрослой и быть живой — одно и то же. Что взрослость не в том, чтобы никогда не писать в три часа ночи. А в том, чтобы потом не требовать от другого ответа как платы за свою честность.

Он так и не ответил. Две галочки остались серыми.

Измира закрыла ящик стола и пошла работать.

Порыв всё-таки случился ещё раз. Через несколько дней, поздно вечером, рука сама потянулась к ящику. Ей вдруг нестерпимо захотелось открыть сайт авиакомпании и посмотреть рейсы Ницца — Манила. Просто посмотреть. Цену, пересадки, сколько часов лететь. Она уже видела, как выходит из самолёта во влажную жару, а он стоит в зоне прилёта.

Она узнала этот порыв. Переключаться Измира умела,

этому она научилась давно. Но умение не отменяло того, что порыв был: горячий, детский, почти неудержимый. И честнее было его признать, чем делать вид, что его нет. Она села на пол у стола, положила ладонь на живот и подождала. Три вдоха. Пять. Порыв поднялся, как волна, постоял и отступил.

Ящик так и остался закрытым. Позже наставница скажет ей об этом вечере: «Тягу не нужно стыдиться. Её нужно видеть. Слабость не в том, что она есть, а в том, чтобы делать вид, что её нет».

Когда связь между двумя людьми настолько плотная, что границы между «я» и «ты» стираются, разрыв контакта ощущается почти физически, как ожог. Измире казалось, что его холод и тяжесть она чувствует собственным телом, даже через тысячи километров океана.

Улетев на Филиппины и выйдя там в море на исследовательском судне, Адриан столкнулся с тяжёлым испытанием. Амбициозный проект, ради которого он пожертвовал временем с Измирой, рухнул из-за внешних обстоятельств. Его мужское эго пережило сокрушительный удар.

Вместо того чтобы признать уязвимость и сказать: «У меня всё развалилось, но я свободен, давай строить наш мир», Адриан попал в классическую ловушку мужского стыда. Если верить тому, что Измира увидела в памяти XIV века, там было запечатано: «Ты не спас свою женщину, у тебя не хватило сил». И сейчас, когда всё снова рухнуло, психика заблокировала возможность просто вернуться и сказать прав-

ду. Ему казалось, что вернуться без победы значит окончательно проиграть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.